

На правах рукописи

СЕНКЕВИЧ Анна Викторовна

**ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ВЛАДИМИРА
МАКСИМОВА "СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ"**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2004

Работа выполнена на кафедре русской филологии Тамбовского государственного технического университета

**Научный руководи-
тель** доктор филологических наук,
профессор
Попова Ирина Михайловна

**Официальные
оппоненты:** доктор филологических наук,
профессор
Михеев Юрий Эдуардович

кандидат филологических наук,
доцент
Селеменова Марина Валерьевна

Ведущая организация Липецкий государственный педагогический университет

Защита диссертации состоится "___" _____ 2004 г. в "___" часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.03 в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 93, институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, ул. Советская, 6).

Автореферат разослан "___" _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета



С.В. Пискунова

Подписано к печати 15.10.2004

Гарнитура Times New Roman. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем: 1,28 усл. печ. л.; 1,26 уч.-изд. л.

Тираж 100 экз. С. 686

Издательско-полиграфический центр ТГГУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Среди романного творчества писателей второй половины XX столетия выделяются своей эстетической оригинальностью и философской емкостью произведения так называемых писателей "третьей волны": А. Зиновьева, Ю. Алешковского, А. Солженицына, Т. Владимова, В. Войновича, В. Аксенова. Романистика Владимира Максимова занимает среди них достойное место, так как писатель внес много нового в разработку жанра романа XX века.

Хотя в последнее десятилетие творчество этого художника слова интенсивно изучается, между тем остается неисследованным множество вопросов, среди которых вопрос о том, что делает эти произведения романами, и как вписываются они в контекст романного развития русской и мировой литературы в целом. Романы Владимира Максимова не являются в данном смысле исключениями и требуют от исследователей сосредоточения прежде всего на уровне типологии жанра и особенностей идейно-эстетической структуры этих произведений.

Зарубежные исследователи прозы Владимира Максимова обращали особое внимание на политическую и социально-этическую стороны его творчества. Не является исключением и роман "Семь дней творения", который оценивался в основном как "злободневное", а не эстетическое творение, одно из лучших социальных произведений писателя.

Роман В. Максимова "Семь дней творения" (1971), несомненно, занимает одно из определяющих мест в русской литературе, и его развитие в период второй половины XX века характеризуется синтезирующей жанровой интенцией. В свое время М.М. Бахтин писал: "Роман – единственный становящийся и еще не готовый жанр. Жанрообразующие силы действуют и на наших глазах... Жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей"¹. Жанровая форма современного романа многообразна и изменчива, ибо роман – это "развернутый, диалогически емкий ответ на вопрос о судьбе человека в его антропологической и социально-исторической (в том числе и национально-исторической) обусловленности, а на данном этапе еще и один из наиболее убедительных ответов, данных в сфере художественного сознания на вопрос о существенных основах человеческого бытия и о значении человека на земле"².

Роман "Семь дней творения" вызывал значительный интерес в зарубежной и русской критике. В вышедшей в 1986 году книге "В литературном зеркале: о творчестве Владимира Максимова" собраны многозначительные рецензии и научные статьи исследователей из Америки, Германии, Франции, Израиля, Польши и других стран³.

Важным для нас научным фактом является защита диссертации М.М. Глазковой «Роман "Семь дней творения": проблематика, система образов, поэтика»⁴, в которой идейно-тематическое содержание интересующего нас произведения представлено с позиций содержания и развития в нем идей Ф.М. Достоевского и Максима Горького, а также установлено доминирование мотива сна, выполняющего множество функций.

В диссертации М.М. Глазковой рассмотрены также функции пейзажа, полифонизм романа "Семь дней творения". Не анализируя специально жанровую форму, автор утверждает, что "роман в жанровом отношении отличается совмещением социально-философского, семейного и житийного повествования"⁵, с чем нельзя согласиться, так как жанрообразующие элементы жития в "Семи днях творения" отсутствуют. За пределами диссертации остались такие важные аспекты романа "Семь дней творения", как целостный анализ жанровой структуры произведения: соотношение проблемно-философского уровня с жанровой формой, способы выражения авторского сознания через различные типы повествователей, определение значимости системы внутренних жанров, разнообразных баек, притч, рассказов, баллад, анекдотов, являющихся плодом устного творчества персонажей "Семи дней творения". Не изученными остались также пространственно-временные отношения, романский хронотоп, который является значимым жанрообразующим компонентом в творчестве Владимира Максимова, не рассматривалась и функциональность сквозной мотивной символики романа.

¹ Бахтин, М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 194.

² Скобелев, В.П. Поэтика русского романа 1920 – 1930-х годов: Очерки истории и теории жанра / В.П. Скобелев. – Самара: Самарский университет, 2001. – С. 23.

³ В литературном зеркале: о творчестве Владимира Максимова. – Париж. – Нью-Йорк: Третья волна, 1986. – 272 с.

⁴ Глазкова, М.М. Роман Владимира Максимова "Семь дней творения": проблематика, система образов, поэтика / М.М. Глазкова. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 2004. – 184 с.

⁵ Там же, С. 5.

Роман "Семь дней творения", как показывает обзор работ о творчестве Владимира Максимова, хотя и получил специальную оценку в диссертации М.М. Глазковой, но требует (в силу своей особой значимости для всего творчества писателя и литературы 1970-х годов) дополнительного исследования с позиций жанрового своеобразия, что особенно актуально в связи с открытостью проблемы романного жанра в науке.

В поле зрения отечественных и зарубежных литературоведов и критиков так и не попали многие важные аспекты романного творчества одного из интереснейших прозаиков XX века. Нет монографического исследования, раскрывающего поэтико-жанровую структуру, выявляющего нарратологическую основу романа "Семь дней творения" и рассматривающего его как целостное идейно-эстетическое явление.

Актуальным является изучение жанра романа Владимира Максимова "Семь дней творения" еще и потому, что анализ неисследованных страниц русской литературы последней трети XX столетия является в настоящее время магистральным направлением отечественной науки о художественной литературе, от разработки которого зависит дальнейшее развитие нашего литературоведения в целом.

Объектом исследования избран роман писателя "Семь дней творения", рассматриваемый в системе всего его творчества с позиции особенности романного жанра.

В этом произведении ярко просматриваются сквозные, особенно волновавшие писателя мотивы, формирующие темы, которые впоследствии будут разрабатываться им более широко в его поздних произведениях. Это проблемы, связанные с определением судьбы России в окружающем мире: личности и общества, власти и народа, активной борьбы человека с социальными обстоятельствами и его покорности судьбе, духовного возрождения личности (через покаяние и очищение) и ее возможной деградации. Все эти проблемы решаются с помощью библейских параллелей и интертекста русской классической литературы предшествующих веков.

Предмет диссертационного исследования составляет жанрово-поэтическая структура романа Владимира Максимова "Семь дней творения" как целостная система субъектной и объектной организации произведения, его художественного мира. В связи с этим, основной целью диссертации является по возможности полное и целостное рассмотрение не исследованного ранее жанрово-поэтического своеобразия романа "Семь дней творения".

Цели исследования состоят в том, чтобы на материале "Семи дней творения" определить специфику творческого видения Владимира Максимова, выявить законы сюжетосложения, жанровые особенности, поэтические структуры его эпического творчества в связи с авторскими мировоззренческими устремлениями, представить литературоведческий анализ прозы писателя как идейно-эстетическое единство, опираясь на использование автором таких жанровых компонентов, как способы выражения авторской позиции, функциональность системы внутренних жанровых образований, приемы архитектоники, специфику хронотопических отношений.

Поставленной целью определяются следующие **задачи исследования**:

- выявить идейно-тематический и образный уровни произведения и особенности их воплощения;
- определить специфику форм выражения авторского сознания;
- исследовать соотношение поэтических средств выразительности и изобразительности в романе "Семь дней творения" с позиции способов выражения авторского сознания;
- определить функциональность системы внутривидовых жанров;
- проанализировать хронотопические отношения;
- изучить функции сквозной символики в романе "Семь дней творения";
- определить жанровую разновидность произведения Владимира Максимова.

Методологической и теоретической базой диссертационного исследования являются труды крупнейших литературоведов, историков и теоретиков литературы. Первостепенное значение для методологического обоснования исследования имеют труды В.В. Виноградова, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Б.М. Гаспарова, Г.Д. Гачева, Н.К. Гея, И.А. Есаулова, Е.М. Мелетинского, В.П. Руднева, Е.Б. Скороспелой, В.Н. Топорова, О.М. Фрейденберга, В.Е. Хализева, В.И. Тюпы.

Автор опирается также на опыт других отечественных и зарубежных ученых, обращавшихся к творчеству Владимира Максимова, таких как В. Иверни, М.М. Дунаев, А.Р. Дзиов, Н.М. Щедрина, А.Г. Соколов, Д. Браун, Э. Браун, И.М. Попова.

Методы исследования сочетают проблемно-аналитический подход с использованием нарратологического, герменевтического и историко-функционального методов.

Научная новизна исследования состоит в том, что данная диссертация представляет собой одну из первых специальных разработок жанровой специфики творчества Владимира Максимова, обобщающих все то, что написано о нем в журналистике, критике и литературоведении и углубляющих представление о творческой своеобразии писателя, об особенностях его жанровой поэтики, способах повествования, о значении христианской аксиологии в его самобытном художественном мире, основанном на традициях русской классической литературы.

Впервые исследуются функциональность внутрироманных жанров, способы выражения авторской позиции, выявляются особенности пространственно-временных отношений, мотивно-символической структуры и специфики сюжетосложения одного из сложнейших романов Владимира Максимова.

Научной новизной определяется **гипотеза** диссертационного исследования, заключающаяся в мысли, что произведение Владимира Максимова "Семь дней творения" представляет собой синтез романских жанровых разновидностей: совмещает философско-нравственную проблематику, освещаемую с позиций православной аксиологии и представленную в форме семейной хроники с исповедальным психологическим повествованием.

Основные положения, выносимые на защиту.

1 Роман "Семь дней творения" Владимира Максимова сложился как крупное эпическое произведение в результате жанровой переработки в сторону обобщения, укрупнения и углубления философско-нравственной проблематики повестей 1960-х годов ("Жив человек", "Мы обживаем землю", "Стань за черту", "Дорога", "Баллада о Савве"). Весь аксиологический комплекс максимовской антропологии, проявленный в ранней прозе, присутствует в более развитом, расширенном и углубленном виде в художественном тексте первого романа писателя.

2 В своей совокупности жанровое содержание романа является нравственно-философским: центральная проблема ложности смысла жизни в утвержденном коммунистическом идеале совершенного человека связана с убежденностью автора в необходимости возрождения истинной цели бытия: "сотворения себя в духе" возрождения христианской аксиологии, традиционной для исторического пути России.

3 Художественная картина мира создается писателем с помощью сложной жанровой формы, построенной по библейской аналогии сотворения мира и включающей семь глав, в которых показан процесс "преображения" человека от душевного "окаменелого нечувствия", "безблагодатности" к возрождению в сердце доброты, любви, сочувствия к ближнему. Показ внутриличностных глубинных психологических процессов преодоления лжи официальной идеологии героями романа (Петром, Андреем, Василием Лашковыми, а также их детьми и внуками Вадимом и Антониной) и приход их к вере делает "Семь дней творения" религиозно-психологическим романом.

4 Использование библейской символики (слепец, путеводная звезда, бесплодная смоковница, бездна, блудное сыновство и др.), введение внутрь романного повествования философско-религиозных притч, легенд, символических "баек", христианских проповедей позволяет определить роман "Семь дней творения" как православно-проповедническое повествование с жанровыми элементами романа воспитания.

5 Внутреннее жанровое содержание романа диктует его внешнюю жанровую форму: субъективно-лирическую, наполненную инвективным пафосом. Этому способствуют выражение авторской позиции через императивы внутренних жанров, особый романский хронотоп, сталкивающий различные временные пласты (и сводящий огромные пространства России до двора, квартирной клетки, одномерного чулана), а также совмещающий закрытое историческое время и открытое библейское, вечное, причем темпоральность главных героев романа совпадает с авторской интенцией.

6 Роман, написанный в жанре семейной хроники, герои которого имеют реальных прототипов, позволяет на примере "лашковского клана" увидеть широкую панораму жизни советского общества (через ретроспекции) на протяжении семидесяти лет российской послереволюционной истории. Насыщенный реальными фактами авторской биографии, роман "Семь дней творения" приобретает жанровые черты социально-исторического произведения.

7 Роман "Семь дней творения" Владимира Максимова является признанной вершиной творчества писателя и принадлежит к числу значительных оригинальных эстетических разработок в области романного жанра в русской литературе последней трети XX века.

Теоретическое значение исследования заключается в том, что диссертация способствует более глубокому пониманию процессов, происходящих в области жанровых форм романа XX века.

Практическая значимость работы. Результаты научного исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения истории русской литературы и литературы русского зарубежья, при чтении спецкурсов и лекционных курсов по отдельным проблемам.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения диссертации и ее отдельные аспекты неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета, а также были представлены на международной научной конференции "Язык и литература в мировом сообществе" в городе Туле; на Международной научно-практической конференции "Лермонтовское наследие в самосознании 21 века" в городе Пенза и на IX научной конференции Тамбовского государственного технического университета. Результаты исследования использованы в лекционных курсах и спецкурсах по истории современной литературы в Тамбовском государственном техническом университете. Основные положения диссертации изложены в пяти публикациях.

Структура и объем. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

Введение содержит общую характеристику работы, определение предмета, обоснование целей и методов исследования. Рассматриваются место творчества писателя в литературно-общественном контексте, история изучения его прозы, выявляются характерные особенности его творческой и общественной позиции, дается краткая характеристика Владимира Максимова как "биографического автора".

Первая глава посвящена исследованию жанрового содержания – анализу проблематики романа "Семь дней творения", воплощенной в сложную систему образов. Во второй главе исследуется жанровая форма произведения (типы повествователей, система внутренних жанров, хронологические отношения и функциональность сквозной символики). Заключение содержит основные выводы диссертационного исследования.

Содержание диссертации изложено на 156 страницах. Библиография включает 228 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении описывается объект исследования – романистика Владимира Максимова на примере его первого романа "Семь дней творения", определяются теоретическая и практическая значимость работы, цели и задачи, гипотеза, положения, выносимые на защиту.

Глава первая «Жанровое содержание романа "Семь дней творения"» (идейно-тематический и образный уровень) состоит из шести параграфов, в которых последовательно раскрываются проблемы, формулирующие мотивную структуру произведения и его образную систему. Проблемы деградации личности в условиях тоталитарного общества и поиски путей возрождения духа нации становятся основным содержанием художественной картины мира произведения В. Максимова. Эта глобальная проблема притягивает к себе более частные.

В первом параграфе «Проблема "ложности революционных идеалов..." в романе (Петр Лашков)» анализируется проблема истинности и ложности революционных идеалов, которая решается с помощью "библейского символа бесплодной смоковницы", "доброго и худого плода", по которому познается каждое древо.

Осознание "бесплодности" идей революции приводит к центральному герою романа Петру Васильевичу Лашкову, "пламенному" коммунисту, прожившему безупречную жизнь, воплощая идеалы партии. И вдруг как будто душа героя пробудилась от "окаменелого нечувствия": он увидел обездоленность родных людей. Максимовский герой понял, что революция была погоней за муляжом, противоприродным явлением, которое не принесло изобилия и равенства, а разрушило многое из того прекрасного, живого, что было в человеческих душах. Осознал он также, что уважение к нему горожан – это "уважение к памятнику", к честному служаке, которого все боятся.

Петр Лашков видит, что его любимый город Узловск одряхлел и держится только старинными постройками, что дедовский дом вытеснен заводской стеной, и разрушена семья, опустело родовое гнездо. А все новое – "утлое", выморочное, а старое – поругано и разорено.

Надругательство над безногой девочкой инвалидом Великой Отечественной войны напоминало Петру Васильевичу и о его несчастных детях и внуках, изуродованных и сломанных "системой" и отброшенных им как "несоответствующих" идеалу строения коммунизма.

В отличие от героев-коммунистов ранних повестей, персонаж "Семи дней творения" находит в себе силы критически оценить прожитое и возродиться в любви к дочери и внуку, прийти к "христовой любви".

Во втором параграфе «Распад личности в тоталитарном обществе в романе "Семь дней творения" (Андрей и Василий Лашковы)» представлена новая грань проблемы распада личности: несмотря на то, что советское общество поделено на "победителей" и "побежденных", жертвами "Системы", как утверждает писатель, являются и те, ради кого вершилась революция, и те, кто был ею низвергнут.

Если Петр Лашков был "несломленной" натурой, "железным большевиком", то его братья Василий и Андрей почувствовали "хлипкость" своих душ, перенесли мысленно себя из стана "победителей" в толпу "побежденных". Василий погибает от пьянства, уныния, одиночества, в момент смерти прозревая всю трагедию происшедшего. А Андрей, пройдя сквозь безумие, полное разочарование и отчаяние, находит силы в "Божьей красоте": удаляясь в лес, напивается гармонией тишины и мудростью природного мира, обретает трудное семейное счастье, которое осознается им как смысл бытия, как жизненный крест служения ближнему.

Подобное душевное смятение типично для многих советских людей. Появившийся "из лагерей" Степан Цыганков определяет это как "метание слепцов", автор-повествователь называет Василия и Андрея Лашковых, Ивана Левушкина, Степана Цыганкова, Алексея Горева и многих других "победителей"-пролетариев "на смерть обиженными детьми".

Личность в тоталитарном обществе обесценена настолько, что, по мысли Владимира Максимова, даже те социальные классы, ради которых Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась, оказываются униженными и претерпевают необратимые изменения в сторону деградации, примитивизации, озверения. Особенно трудно сохранить "душу живую" тем, кто нежен сердцем и слаб духом, а также тем, кто скован "житейской скудостью". Только чистые сердцем в конце концов "спасаются", ища Истину всю свою земную жизнь.

Третий параграф «Проблема "плодов" революции в романе (образы интеллигенции)» посвящен решению проблемы "революция и интеллигенция" в романе "Семь дней творения". Показывая горькие судьбы актеров Вадима, внука Петра Лашкова и Левы Храмова, режиссера Марка Крепса, безымянного скульптора, поэта Федора Мороза, полковника Валерьяна Семеновича Ткаченко и многих других, повествователь утверждает, что, благодаря духовности русской интеллигенции (и "старой", и советской), Россия воспрянет "из тьмы", уйдет от жизни "без креста и памяти", отринет злобу и страх перед людской мерзостью во имя любви. Авторская убежденность подтверждается тем, что даже заключенные в "психушку", загнанные в лагеря интеллигенты продолжают "творить". Крепс разрабатывает новую "версию" постановки "Гамлета", Вадим создает стихи, отец Георгий – проповеди. Душевные силы интеллигенции подпитываются народом. Урок деятельной любви преподает мужик Горшков, служащий добру и красоте, вопреки всем ударам судьбы.

Широким планом изображая в своем романе "Семь дней творения" судьбы новой, "советской" интеллигенции, Владимир Максимов акцентирует внимание на том, что только те люди, которые сумеют преодолеть себя: свою гордыню, обиду, злость, ропот, стремление мстить, желание изменить обстоятельства, а не свою душу, способны выйти из тяжелых испытаний несломленными, чистыми духом, способными подняться над временем и судьбой.

Автор романа подчеркивает также "дряблость", бездеятельность, бесплодность порывов определенной части интеллигенции, которая зачастую ограничивается только философствованием и критическим обсуждением общественных пороков, но не способна на конкретное противостояние сильной власти, которая "могла согнуть винтом" любого, даже самого стойкого человека. Так, актера Леву Храмова повествователь изображает с мягкой иронией: герой способен только на словесные протесты, но отступает, когда нужна твердая позиция.

Сопоставляя две ветви российской интеллигенции – старую и новую, появившуюся после революции, Владимир Максимов в своем романе "Семь дней творения" подчеркивает роднящие их черты (отсутствие веры, дряблость душевных сил, превалирование рационального начала, слабость воли, демагогия и гордыня), которые ведут к выморочности, к постепенной деградации и которые являются горькими "плодами" революционного взрыва, потрясшего Россию в 1917 году.

В четвертом параграфе «"Победители и побежденные" в произведении Владимира Максимова» анализируется трагедия саморазрушения, которая постигла "победителей".

Автор подчеркивает, что хорошо себя чувствуют в пролетарском государстве только люди с примитивным духовным уровнем, узкими жизненными интересами, сведенными к приобретению материальных и социальных благ, – "победители".

Среди них начальник режима Бутырской тюрьмы Никишкин, интендант Анатолий Тихонович Полюнин, председатель уездной ЧК – Аванесян, железнодорожник Парамошин, участковый Калинин. И как последняя степень вырождения предстает сумасшедший Бочкарев, демагог и лицемер.

Все эти персонажи демонстрируют различные ипостаси "победителей", но обнаруживают много общего. Никишкин – "настырный карлик" с цепкими глазами, которого природа обделила не только ростом, но и умом, как сорняк, обладает удивительной приспособляемостью, цепкостью. Он усвоил примитивную идеологию, разработанную большевиками для народных масс, знает и владеет всеми демагогическими лозунгами. Он говорит штампами с революционных плакатов. Поэтому Петру Васильевичу Лашкову кажется, что он множество раз уже встречал это решительное лицо, эти ожесточенные, без света внутри, глаза, слышал эту безоговорочную манеру высказываться.

В Никишкиных предельно обнажается разница между идеалами революции и их практическим воплощением: попадая в головы людей, скудных духом, любая идея опошляется, низводится до удовлетворения низменных инстинктов, становится антиидеей и уничтожает самое себя.

И вот уже воровство, убийство, разрушение всего и вся становится нормой, оправдывается идеей. Выражение Бочкарева "в нашем здоровом коллективе больных", которым он начинает все свои речи и письма, становится метафорическим, определяя общую "порчу", болезнь духа, губящую и сердце, и разум людей.

Сцена выступления "сытого колобка" Парамошина на собрании о враждебности партии Петра Лашкова, у жены которого "цельный иконостас", перекликается, даже контрастирует с эпизодом в сумасшедшем доме, где Бочкарев, "помещенный" сюда, по его словам, "за активную борьбу с религиозными пережитками", произносит хвалебные демагогические лозунги. По сути, между ними нет разницы. Извращение первоначальных идеалов революции оборачивается против самих революционеров-"победителей" и ведет ко всеобщему растрелению и самоуничтожению.

Владимир Максимов изображает и "непобежденного победителя". Это "мужик" Горшков, всегда излучавший необыкновенное дружелюбие. Он – крестьянин, которого "с тридцатого года, почитай, как с земли согнали". Горшков пошел по вербовкам, прошел всю войну и немецкий плен, очутившись сразу в "своих лагерях". Все ужасы пережитого привели его в психиатрическую больницу. Но помутненный от нечеловеческих страданий рассудок не помешал ему находить в работе особое удовольствие, преобразовать всякую "грязь" в сверкающую чистоту.

Образ Горшкова явно навеян толстовским Платоном Каратаевым. Это балагур, речь которого переполнена народной мудростью. Носитель народной культуры, Горшков знает, что труд – всему голова и рад возможности трудиться беспрестанно. "Трехжильный" Горшков, которого нельзя сломить никакими "режимами" и страданиями, – это символ терпеливости и кротости, смиренномудрия русского крестьянства, выдержавшего то, что почти невозможно вытерпеть человеку.

Всей системой образов романа, сопряжением сквозных мотивов, символической образностью Владимир Максимов утверждает в своем романе "Семь дней творения", что в революционном "чудовищном" эксперименте, сотворенном в России, не было "побежденных" и "победителей", так как пострадали в том или ином смысле все.

Несмотря на некоторые отличия, все людское сообщество подверглось чудовищным испытаниям, в результате которых произошло повсеместное духовное оскудение, распад личности, ее полное обезличивание и "обезличивание". В этот пессимистический вывод автор добавляет оптимистические надежды на духовное возрождение, которое связывается с воскресением глубинных нравственных христианских основ, заложенных в человека и сохраняющихся в течение тысячелетий. Большинство героев романа способно к возрождению, к пересотворению своей души, ищущей Истину.

В пятом параграфе «Антиномия "любовь и смерть" в романе Владимира Максимова "Семь дней творения" (дочь Антонина)» демонстрируется сопряжение проблемы существования личности в тоталитарном обществе с антиномией "любовь и смерть".

Любовь противостоит смерти, а смерть персонажей усиливает благотворное, живительное воздействие их любви. Любовь и смерть неразрывно входят в жизнь Петра Лашкова. Его кроткая жена Мария была тихим заботливым ангелом, хранителем домашнего очага. Благодаря ей Петр не ожесточился до конца. А после ее смерти он осознал, как "осияла" его жизнь при Марии и как он осиротел после ее смерти.

Петр чувствует свою неискупимую вину перед женой и старается детям и внукам возместить ту душевную теплоту, которую недодал ей. Страницы, посвященные воспоминаниям Петра Лашкова о знакомстве с Марией, об их совместной жизни, скупы, так как все было отдано в жизни "партийца" служению революции. Но это самые лирические, задушевные страницы романа.

Любовь спасает от духовной смерти и брата Петра – Андрея Лашкова. Ненавидя "дюже партийных", его возлюбленная Александра отказывает ему при сватовстве, хотя и горячо его любит. Только убедившись через многие годы в доброте и честности Андрея, его душевности и верности, она связывает с ним свою судьбу, имея на руках пятерых детей от другого мужа. Андрей обретает в результате духовную гармонию и чувство осмысленности жизни.

Такой же спасительной оказывается любовь в жизни Вадима Лашкова, которая его постигает, когда он, уже будучи "на краю бездны", пребывал на грани смерти в психиатрической больнице. Полностью деморализованный, потерявший желание жить, герой возрождается, полюбив дочь священника Наташу. Любовь, хотя и прерванная вынужденной вечной разлукой, окрыляет героя, придает ему силы для дальнейшей жизни, для сопротивления злу и разрушению, способствует его выздоровлению и выходу из духовного кризиса.

Но не всякая любовь спасает. Если душа "хлипкая", то в ней возобладает не небесная, а земная "тяга". Владимир Максимов доказывает это с помощью истории взаимоотношений Василия Лашкова и Груши Горевой.

Особенно был труден путь любви у младшей дочери Петра Антонины. Именно с ней автор-повествователь связывает оптимистические надежды на будущее возрождение России. Антонина, как и ее мать Мария, великая "смиреница и терпеливица". Увидев плачущего над могилой матери отца, она дала ему обещание всегда быть с ним. И до сорока лет жила как затворница, лелея старость отца. Она искренне любит сурового Петра Васильевича, прощая ему все пороки и недостатки. По настоянию отца она выходит замуж за "хлебнувшего лиха" Николая, едет за ним на заработки, делит с ним его нелегкую жизнь.

Антонина – верующий человек. Она никогда не осуждает человека за проступки. Полюбив "страждущего за других иноверца Осипа", она испытывает к этому честному ищущему человеку жалость и сострадание. Душа героини настолько чиста и проста в помыслах, что живет инстинктивно, сверяя свои поступки только совестью. "Несовместимость чистой души с изолгавшейся средой выталкивают ее в стихию"⁶. Стихийное чувство Антонины к Осипу становится последней каплей, переполнившей чашу его страданий. Благодать Антонины обнажила перед Осипом "предчувствие веры", к которой он стремился, но не дошел.

Антонина понесла свой крест дальше, потеряв сразу двух близких людей: мужа Николая и Осипа. Она осознала свое назначение в материнстве, которое и есть, по мысли автора, путь в будущее и "благодать Божья".

Люди, отказавшиеся от любви, убившие ее в своем сердце, становятся носителями смерти (Калинин, Каспар Силис).

Тема любви воплощается в произведении Владимира Максимова с помощью сквозного мотива "детскости", идущего от Ф.М. Достоевского. Все персонажи романа, полюбив, проявляют качества детей. И, в свою очередь, полюбить глубоко и искренне могут только те натуры, которые обладают такими "детскими" свойствами, как искренность, чистота, незлобивость, сострадательность, непосредственность, сердечная простота и безыскусность, открытость.

Ангельские свойства детского характера напоминают человечеству об утерянных качествах перво-человека, находящегося в гармонической связи с Творцом. Любовь обычно возрождает эти черты гармонического человека. Влюбленные люди жертвенны, самоотверженны, кротки, уступчивы. Возможно, поэтому автор романа "Семь дней творения" подчеркивает детскость своих героев как потенцию к совершенствованию, развитию или духовному возрождению.

Глубокая и сильная любовь к ближнему ведет к "благодати" и соединяется в романе с темой Веры, составляющей философско-нравственный стержень романа Владимира Максимова, что анализируется в **шестом параграфе «Вера и истина в романе "Семь дней творения"»**.

Сквозная символическая пара "любовь-смерть" воплощена в "Семи днях творения" с помощью библейского образа путеводной спасительной звезды. Звезды выступают носителями символики вечности во всех произведениях Максимова. "Звездный мир" дарит душевный покой и гармонию только тем лю-

дям, которые смогли полюбить самоотверженно и глубоко (Сима и Лева Храмов, Штабель и Груша, Муся в ее неразделенной любви к Осипу Меклеру).

Мотивная структура романа Владимира Максимова включает в себя пересекающиеся мотивы явной и скрытой (подсознательной) веры, которые являются семантическим центром произведения.

Вера, проявленная в предназначении человека выполнить свою жизненную миссию, заключающуюся в "стяжании духа Святого", в самосовершенствовании по заявленным в Евангелии канонам, может существовать в двух формах: осознанной или неосознанной. Обе эти формы противопоставлены в романе "Семь дней творения" воинствующему атеизму, который есть "вера во всеилие зла".

Мотив "явной веры" связан, прежде всего, с образами Льва Гупака, полковника Козлова, Владимира Анисимовича, отца Георгия и Антонины Лашковой. Носителями "твердой" веры оказываются люди, прошедшие через страдания и неожесточившиеся (Гупак, отец Георгий).

Вера дает человеку силы для любых испытаний, наполняет сердца умиротворением и гармонией. А того, кто не смог "воспринять", ждет разлад с самим собой и духовная и физическая смерть: у таких "шерстью душа обрастает". Так, атеист доктор Петр Петрович кончает жизнь самоубийством, оставляя после себя чистые листы записной книжки, в которой он как будто что-то всю жизнь записывал. Пустота книжки символизирует духовную смерть.

Человеком "твердой веры", готовым отстаивать ее ценою жизни, была жена Петра Лашкова Мария. Она прожила жизнь рядом с мужем, "воинствующим коммунистом", искренне и глубоко любя его и не вмешиваясь в его дела. Конечно, Мария видела резкую неправоту мужа, но она любила его, жалела, понимая его ошибки и заблуждения. Мария не спорила с мужем, всегда была покорна, тиха, уступчива. Но на "деле" она всегда противостояла "безбожию". "Явная вера" сияет в людях, освещая путь другим. Но в романе представлены персонажи, которые не знают, что они живут Верой, хотя образ Христов проступает в них явно. Это "добрые и слабые" Сима Цыганкова, Лева Храмов и его сестра Оля, Ваня Левушкин.

Возрождение Веры в "чистых" душах способно вывести Россию из "тьмы". "Восприявшие Свет" герои Владимира Максимова несут авторскую надежду на восстановление христианского идеала и скорый выход из духовного кризиса. Вся жанрово-поэтическая система романа направлена на утверждение этой центральной авторской идеи.

Глава вторая «"Художественная специфика романа Владимира Максимова "Семь дней творения"» посвящена анализу жанровой формы произведения.

В первом параграфе "Типы повествователей в романе. Система внутренних жанров" доказывается, что христианскую аксиологию романа "Семь дней творения", составляющую основное жанровое содержание, выражают различные типы повествователей через целую систему внутренних жанров. Рассказ ведется от лица "всеведущего хроникера", который изображает события внешнего и внутреннего планов. Не меньшую роль играют повествователи-персонажи, выражающие авторскую позицию через религиозные проповеди (Гупак), притчи (Ивана Сергеевича "О козлах и волках"), внутренние монологи ("Рассказ Муси о самой себе"), подслушанные разговоры (Муси и Меклера), письма Антонины к отцу и к Гупаку, сновидения Петра Лашкова и другие.

Внутренний голос главного героя звучит в его четырех снах – видениях, оформленных как отдельные главы, названные "путешествие к себе". Видения в яркой образной форме раскрывают глубинную суть происходящих событий, в них "выпячиваются" отдельные символические повторяющиеся детали, которые дают разгадку скрытому смыслу события или поступка (детская коляска, в которой вместо ребенка – паровозная труба; муляж окорока в разбитой витрине; дети за колючей проволокой в вагоне поезда; здание с уходящим в бездну потолком и др.)

Второй параграф "Способы выражения авторской позиции в романе. Голоса второстепенных персонажей" посвящен способам выражения авторской позиции с помощью голосов второстепенных персонажей произведения.

Внутренние жанры отличаются сказовой манерой повествования, которая выражает индивидуальность героя, подчеркивает его социальное происхождение, положение в обществе, культурный уровень, особенности мировосприятия, то есть служат эффективными способами характеристики образов, одновременно создавая "особое мнение о мире".

Не менее важны для выражения авторской позиции "голоса" второстепенных персонажей, формирующиеся в самостоятельные жанры, включенные в художественный текст романа "Семь дней творения". Герои называют их: "рассказец", "байка", "сказка", "притча", "анекдот". Все они в совокупности выполняют жанрообразующую роль, являясь и средствами характеристики образов, и способом выявления авторского замысла через систему символических концептов. Например, монологи Василия,

включающие сквозной образ моли, попавшей в паутину, выражают отношения биографического автора к судьбе этого героя.

Сказка Ивана Сергеевича в аллегорической форме передает идею о губительных последствиях тоталитаризма. Притча Григория Ивановича Бобошко о жизни-"трехполье" – это формулировка истинного смысла бытия, приоритета "небесного над земным", изложение в иносказательной форме учения Христа. Притча в оригинальной форме характеризует самого ветеринара Бобошко, отражает его мировидение и передает позицию биографического автора, который через прямое авторское слово позитивно оценивает героя.

Речи героев, выражающие и позицию автора, существуют в романе "Семь дней творения" и в форме "пересказа". Например, чтение рассказа "Трали-Вали" на эстраде внуком Вадимом вызвало желание у Петра Лашкова осмыслить необычность произведенного на него впечатления, и он пересказывает услышанное. Тем самым герой создает свой жанр, свой "рассказ о рассказе".

"Мужичонка пьет мертвую, а, напившись, поет в два голоса с зазубой" – так сниженно и утрированно пересказывает герой фабулу рассказа "Трали-Вали". Но в этой обыденности и заурядности вдруг проступает для Петра Васильевича Лашкова убеждение, что он кровно связан чем-то с безвестным певцом бакенщиком, исходит его тоской и млеет его радостью. Искусство пробудило в нем сопричастность, сочувствие к другой личности, показало, что в каждом бренном миге простенького быта сквозит вечность, любовь, зов к иному, возвышенному и совершенному бытию.

В народной песне "Вдоль по морю", которую исполнял бакенщик, отражалась соборная душа, тоска "по горнему". Поэтому после пения "измученные, опустошенные, счастливые", они шепчут, задыхаясь, слова любви.

"Пересказ рассказа" помогает Владимиру Максиму раскрыть глубинные тайники души своего героя, заваленные идеологическим мусором. Кроме того, рассказ проецируется на произведение И.С. Тургенева "Певцы".

Народная песня, частушка, байка применяются автором-повествователем для выявления психологии поведения персонажей. В романе "Семь дней творения" через "частушечное ожерелье" раскрывается душа Александры, показывается ее сложный характер, выявляется ее истинное отношение к Андрею Васильевичу.

Внутренние жанры, эффективно работающие на авторскую концепцию в романе "Семь дней творения", станут излюбленным средством изобразительности в последующих романах писателя: "Карантин", "Прощание из ниоткуда", "Кочевание до смерти".

Таким образом с помощью особых пространственно-временных отношений в исследуемом романе формируется читательское восприятие, анализируется **в третьем параграфе «Пространственно-временные отношения в романе "Семь дней творения"»**. Хронотопические связи отличаются в этом произведении многослойным совмещением прошлого и настоящего, которое постоянно сопровождается мифологическим, библейским временем. Аксиологический смысл максимовского хронотопа всегда строится на выявлении философского тождества и отличия сиюминутного и вечного, а также на сопоставлении и проведении параллелей между евангельскими событиями и реалиями исторического процесса в России.

Заглавие и эпиграф романа настраивают на библейский хронотоп, где стрела времени и пространства устремлена к вечности, к небу. Во всех семи главах романа особое время и пространство, воспринимаемые субъективно сквозь призму душевных ощущений центральных персонажей, трех поколений Лашковых, но во всех них протекает единый, совмещающий миг и вечность процесс "сотворения личности", то есть ее постепенного духовного роста.

В романе "Семь дней творения" хронотоп выражается зачастую через пейзаж. Природа выступает как прообраз райского сада, который воздействует на душу разных персонажей по-разному.

Хронотоп Петра Лашкова – это борьба пространства и времени с "пустотой". Дом Петра теснит глухая стена забора, уничтожая сад, посаженный предками. Сужаясь как шагреновая кожа, пространство двора сигнализирует герою о конечности земного, о "дряхлеющей душе" родного города.

Суживающийся хронотоп Петра противопоставлен расширяющемуся пространству-времени Антонины: из клетки-комнаты она вырывается на необъятные просторы России, переезжает за мужем с места на место и в сорок лет ощущает себя "дитятей". Отец сумел "перешагнуть" порог комнаты дочери и начать жить с нею в унисон, он преодолел "ад отчуждения" и вошел в райский сад отцовской любви. Личность мира, его вечная неповторимость открывается герою в цветущем поле, на сквозном просторе, в вечной гармонии природы. Хронотопы персонажей изображаются также с помощью повторяющихся "говорящих" деталей: простукивающая пространство городка Узловска палка Петра Лашкова, клетка двора, небо как крышка гроба, "старая крепость" дома, на которую наступает "новый город".

Символ хронотопа Вадима – маятник, мечущийся в замкнутом пространстве, Василия Лашкова – муха, накрытая стаканом. Все персонажи маются "в клетке двора", пребывают "без креста и памяти". И только полюбив, вырываются в необъятные звездные просторы, где душа вольна как птица.

Лес всегда выступает в романе как символ защиты от "бездны", от гибели духа, как место душевного равновесия и гармонии всего мира.

Хронотопы героев, как правило, не совпадают, что вызывает отчужденность, чувство одиночества. Особенно это характерно для Андрея Лашкова, который воспринимает страну как поле войны людских душ, как сплошное пространство беды. Время представляется ему "захлебывающей массой воды", когда нельзя ухватиться за обламывающийся берег, а небо – "звездной бездной", которая бежит по жизни вместе с ним. Причастность к "величию Божьего промысла" происходит у героя параллельно с обретением трудного семейного счастья.

Темпоральные связи в романе характеризуют психологию героев, выражают их отношение к миру. Если Андрей видит небо как "звездную бездну", то Василий как голубую пустоту с облаком-валенком. Небо давит на приземленного крестьянского парня, а время "убивается" им, потому что у него "мутное равнодушие ко всему". "Тридцать метров тротуара" заменяют дворнику Василию весь мир. Пространство-время героя сужается до "гроба-двора", сверху придавленного "крышкой студеного неба". Левушкин, Штабель, Храмов рвутся из "суживающегося" хронотопа, но метания по свету не дают новых ощущений: в душе пустота.

Хронотопы главных и второстепенных персонажей в романе пересекаются только тогда, когда смерть вырывает из их жизненного круга новую жертву, а оставшиеся в живых объединяются и сплачиваются в горе.

Хронотопические отношения в романе играют сюжетобразующую роль, углубляя концептуальный смысл произведения, формируя через символику образную, мотивную и поэтическую структуру произведения, в которую органично входит система библейских символов.

Четвертый параграф посвящен выявлению **функциональности сквозной символики в романе Владимира Максимова "Семь дней творения"**.

У автора в его прозе применяется особая символика. Переходящая из романа в роман, она позволяет выявить основные эстетические ориентиры писателя. Речь идет, прежде всего, о словах-концептах, раздвигающих бытовую план и выводящих сюжет на философские обобщения. Символы романа "Семь дней творения" расширяют рамки повествования и ведут от земного, временного, ко вселенскому, небесному, вечному. Самые основные среди них антиномии: дом – бездомье, земля – небо, звезда – солнце, день – ночь, дорога (простор) – забор (дверь, черта, бездна). Все эти символические знаки, взаимосвязанные и взаимодополняемые, работают на единую художественную идею, пронизывающую весь роман Владимира Максимова.

Поскольку в "Семи днях творения" повествование поделено на шесть глав, каждая из которых посвящена отдельному герою, а седьмая – обобщает повествование, то и названные выше концепты одновременно и близки друг другу по смыслу, заложенному в них, и отличаются в меру индивидуальных особенностей каждого из главных персонажей, видящих окружающий мир по-своему.

Семантика дома включает в себя осознание всей России как единого дома, в котором в результате социальных катаклизмов все вывернулось вверх дном и по сути превратилось в свою противоположность, в "бездомье": люди оставляют свою землю, свои дома и огороды, опустошенные и разоренные революцией, гражданской войной, раскулачиванием, репрессией, и устремляются в другие места. Иногда они бегут по своей воле, чаще – по жестокой воле тоталитарной власти. Но результат один: у всех страшное душевное окаменение и опустошение, вызванное "бездомьем", потерей памяти о прошлом.

Концепт "дом – бездомье", как показывает анализ, смыкается с символом "небо" (варианты: "звезда", "свет"), которые чаще всего используются для характеристики образов и выражения авторской позиции.

Любовь или разлука, смертельная болезнь или другое несчастье с близкими изменяют отношение того или иного героя к "небу". "Голубое", "синее", "яркое", "глубокое", "близкое", "родное", "светоносное" небо бывает в минуты радости или когда человек ощущает прикосновение к вечности, прозревает судьбы человечества, осознает значимость любви.

Небо становится "линялым", "студеным", "далеким", "каменным", "серым", "проливающим ледяные слезы", "закопченным", "мутным", "аспидно-черным", "низким", "брюхатым", "свинцовым", "бездонным" и превращается в "безнебье", если герой лишается любви, надежды и веры. Небо (варианты: звезды, птицы, облака) связано в романе "Семь дней творения" с осознанием таинственности и вещей сущности человеческого бытия, соприкасаемого с вечностью. Философская наполненность символов позволяет вместе с тем автору использовать их для характеристики образов, в основном, для описания процесса духовного преображения героев романа.

Символу солнца противопоставлена в романе "Семь дней творения" ночь как символ душевного одиночества, сердечной глухоты, богооставленности. "Душной ночью" или "студеной ночью" происходят все страшные события в жизни героев: аресты, убийства, разлуки, уходы из дома, смерти, сумасшествия.

"Солнечная тишина", "ровный слепящий свет солнца", ощущаемые чистыми (или очищенными безмерным страданием) сердцами, помогают им "воспринять" Истину, Свет, Веру и изменить свою жизнь хотя бы даже в конце земного пути.

В заключении диссертационного исследования даются выводы, подводятся общие итоги работы, главный из которых: роман Владимира Максимова "Семь дней творения" представляет собой сложное в жанровом отношении эпическое произведение, совмещающее черты социально-философского, исповедально-психологического и христианско-аксиологического романа.

Роман Владимира Максимова "Семь дней творения" представляет собой итог развития ранней прозы писателя, так как весь комплекс его художественно-философской антропологии, сформированный в повестях шестидесятых годов ("Мы обживаем землю", "Жив человек", "Стань за черту", "Дорога", "Баллада о Савве"), воплотился в обобщенном виде в художественном тексте его первого и, по признанию критики, лучшего романа.

Используя библейскую символику, входящую в сквозную мотивную систему произведения, автор в семи главах, содержащих символическую аналогию с Божьим творением мира, демонстрирует на примере нескольких поколений семьи Лашковых, что кризисное состояние общества, построенного на ложных идеалах всеобщего равенства и справедливости, может быть преодолено только через возрождение православных духовных ценностей. Всеобъемлющая авторская идея реализуется в сплаве философского, социального психологического семейного романа, исполненного исповедального пафоса.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

1 **Сенкевич, А.В.** Концепт "дом – бездомье" в романе Владимира Максимова "Семь дней творения" / А.В. Сенкевич // Труды ТГТУ: Сб. науч. ст. – Тамбов, 2004. – Вып. 16. – С. 141 – 144.

2 **Сенкевич, А.В.** Концепт "небо" в романе Владимира Максимова "Семь дней творения" / А.В. Сенкевич // IX научная конференция ТГТУ: Сб. науч. ст. – Тамбов, 2004. – С. 164 – 165.

3 **Сенкевич, А.В.** Роль фольклорных "включений" в романе В. Максимова "Семь дней творения" / А.В. Сенкевич // Художественное слово в современном мире: Сб. ст. / ТГТУ. Тамбов, 2004. – Вып. 7. – С. 22 – 25.

4 **Сенкевич, А.В.** Оппозиция "солнце – тьма" в романе Владимира Максимова "Семь дней творения" / А.В. Сенкевич // Известия Тульского университета. Сер.: язык и литература в мировом сообществе. – Тула: ТулГУ, 2004. – Вып. 6. – С. 109 – 111.

5 **Сенкевич, А.В.** Система внутренних нарраторов в романе В. Максимова "Семь дней творения" / А.В. Сенкевич // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: ПГСА, – 2004. – С. 137 – 141.